

УДК 1(470) (091)''19'':929

DOI: 10.26456/vtphilos/2026.1.186

ПРОБЛЕМА БУДУЩЕГО РОССИИ В ТВОРЧЕСТВЕ И. ИЛЬИНА

И.А. Фролова

ФГБОУ ВО «Тверской государственный университет», г. Тверь

Иван Ильин – очень известный русский мыслитель XX в., который большую часть жизни прожил в изгнании в Германии и в Швейцарии. Ильин любил Россию и не принял революцию в 1917 г. В центре внимания статьи – работы Ильина, написанные в период 1939-1949 гг. Главные его события отражаются в публикациях философа того времени и пронизаны его личным восприятием исторических событий и переживаниями. Как Ильин относился к большевистскому режиму и коммунистической идеологии? Почему он ненавидел и критиковал левый и правый тоталитаризм? Как русский философ представлял себе политическое будущее России после освобождения от большевизма? – об этом пойдет речь в данной статье.

Ключевые слова: И.А. Ильин, будущее России, критика фашизма, критика коммунистической идеологии, тоталитаризм.

Знакомство с трудами русского философа И.А. Ильина – очень интересный, поучительный опыт, который ещё раз подтверждает, что исторические события, собственная судьба мыслителя являются главной платформой как его мировоззрения, так и оценок событий, происходящих вокруг. Главное и самое трагическое событие в жизни И. Ильина – приход к власти большевиков. Революция разрушила не только политическую систему и привычный уклад жизни России, но и стала трагическим водоразделом в судьбе самого философа. Он не принял этих перемен, а факт расстрела царской семьи был для него страшным ударом. Он был поражен, как быстро большевики сумели подмять под себя народ России, который не сумел ответить на причиняемое ему зло насилием. Ильин не смог смириться с происходящим в России до конца своих дней. Его патриотизм носит совершенно уникальный характер, потому что связан с двумя модусами времени, особенно для него значимыми: с дореволюционным прошлым Российской империи и с той Россией без большевизма, которую он мечтал увидеть в будущем. Советское настоящее представлялось ему нескончаемым кошмаром, который должен прекратиться как страшный сон. Ильин воспринимал СССР не как Россию, а как тоталитарное государство и в данном случае политическое устройство страны для него имело приоритет над географией, а говорил он об этом так: «Советское государство нельзя путать с Россией. Это коммунистическое советское государство, которое сейчас замирилось с Германией, чтобы использовать и обманывать её для своих целей» [3, с. 682–683].

© Фролова И.А., 2026

Он навсегда остался в *той* России и на его долю выпали две миссии: критика тоталитаризма и пророчества относительно будущей России и опасностей на пути ее обновления. Тексты Ильина показывают, как менялись его взгляды на те или иные события в Европе и в СССР во времени, как сложно ему было выживать на чужбине в материальном и моральном отношении, как он стремился помочь молодым талантливым авторам заявить о себе в литературе того периода. Происходило многое, но ненависть к советскому режиму он пронес до конца своих дней. Очень неоднозначным было его отношение к русскому народу, который, вопреки ожиданиям Ильина, не восстал против большевистского способа правления и не потребовал конфискованные земли и собственность, а напротив, строил новое общество и защищал страну в период Великой Отечественной войны. До конца своих дней мыслитель ожидал политического переворота в СССР и возрождения новой России, но так и не дождался. Он понимал, что никто из эмиграции не сможет изменить политический строй. Эта задача должна решаться «изнутри». Поэтому Ильину и его соотечественникам в Европе оставалось только наблюдать и критиковать то, что происходит.

Биография философа уже достаточно полно представлена. Остановлюсь на самых значимых событиях, которые могут понадобиться для данной статьи. До 1917 г. жизнь И. Ильина складывалась вполне благополучно. Он был из дворянской семьи, получил очень хорошее образование, знал несколько иностранных языков. Немецкий был родным языком его матери, российской немки. Все братья Ильина – Алексей, Александр и Игорь – были юристами, как и он сам. Карьера складывалась успешно. В 1910-1913 гг. он изучал философию в Германии и во Франции, работал в МГУ. В 1914 г. поддержал вступление России в войну. Революция для него стала просто катастрофой, и он выступил против режима, пережил три ареста, два месяца провел в ВЧК. Он пережил три ареста в 1918 г., один из которых состоялся накануне защиты диссертации. Благодаря волне возмущения студентов и преподавателей его освободили. В 1918 г. он защитил диссертацию, получил звание доктора государственных наук и статус профессора. Далее он прошёл через аресты в 1919, 1920 и 1922 гг., после чего был выслан из страны 30 сентября 1922 г. на пароходе «Обер-бургомистр Хакен» в Германию, в Штеттин. Расстрел был заменен ссылкой за рубеж. Не всем так повезло, как выяснилось позже. Далее, 1 сентября 1924 г. П.Н. Врангель для консолидации сил белого движения создал Российский общевойсковой союз (РОВС), а Ильин стал одним из его идеологов.

Жизнь Ильина в иммиграции была очень непростой, потому что нужно было решить следующие магистральные задачи: сохраниться как личность, продолжать борьбу с большевизмом, а также сохранять относительную самостоятельность, чтобы не быть использованным чуждыми политическими силами тех государств, на территории которых приходилось проживать. Однако эта жажда автономности оборачивалась одиночеством, потому что его русское окружение разочаровывало его. Его предавали, о

чем он жаловался И. Шмелеву, его стесняла бедность, осаждали болезни, но он старался оставаться верным себе и той России, которую потерял. Его неприязнь и ненависть к «коммунистической заразе» в Европе воспринималась положительно, что позволяло свободно говорить и печататься, заниматься преподавательской деятельностью. С 1923 по 1934 гг. он был профессором Русского научного института (РНИ) в Берлине, который финансировался сначала министерством иностранных дел Германии, затем министерством науки и культуры Пруссии, а далее, уже при Гитлере, министерством народного просвещения и пропаганды. Эти факты говорят о том, что Ильину удалось найти в Германии официальную поддержку. Он активно выступал на антикоммунистических митингах и был чрезвычайно озабочен тем, чтобы коммунистические идеи не одержали победу в Германии. Ужас перед перспективой большевизации подтолкнул его к тому, что в апреле 1933 г. он направил в разведывательный отдел имперского министерства внутренних дел (будущее Гестапо) донесение «Директивы Коминтерна по большевизации Германии», выступив в том же месяце с одноименной лекцией в немецко-русском клубе. С одной стороны, донесение естественным образом отражало его собственные взгляды, с другой стороны, он хотел, видимо, сослужить службу государству, которое его приняло, почувствовать себя хоть как-то «своим». В его статьях встречаются обороты «мы, европейцы», «мы, швейцарцы», что сигнализирует о желании преодолеть свое одиночество, выступая как частичка народа или общности. Иногда бывает совсем непонятным употребление местоимения «мы».

Донесение, о котором шла речь, было отправлено в апреле 1933 г., а в мае к власти приходит Гитлер. Мыслитель принял положительно смену власти и даже написал работу «Национал-социализм. Новый дух» (1933). Его вдохновила перспектива борьбы с коммунизмом в Германии. Национал-социализм он считал естественной отрицательной реакцией на коммунистическое движение. В 1934 г. Ильина отстраняют от преподавания в силу того, что он отказался вести антисемитскую пропаганду. Он начинает понимать, что искать в фашизме альтернативу коммунизму не стоит: новый тоталитаризм в фашистском облике ничем не краше коммунистического. До 1937 г. Ильин активно вел антикоммунистическую пропаганду, но далее его деятельность и публикации попадают в поле зрения Гестапо, и он переживает в 1938 г. три ареста. В своем письме к И. Шмелеву от 13 октября 1938 г. он описывает свое положение: ему запрещены всякие выступления как по-русски, так и по-немецки. Далее он сообщает хронологию драматических событий, которые подтолкнули его к переезду в Швейцарию: «Узнаю стороной о новом накоплении доносов.

1938. Апрель. Приглашение к заместителю Розенберга. В беседе категорически заявляю, что Украина не в моей власти, но что на оккупацию ее и отчленение никогда не соглашусь...

1938. Июнь. Я получаю в частном порядке три уведомления:

1) Поход на меня будет продолжаться.

2) Пропагандное министерство объявило меня “разоблаченным масоном”, а мои публичные выступления недопустимыми

- за отсутствие в них антисемитизма,
- за проводящуюся в них христианскую точку зрения.

3) Будет сделана попытка использовать мои силы в подготовке похода на Россию» [5, с. 242].

Ильину удастся в июле быстро переехать в Швейцарию, а в октябре того же 1938 г. он узнает, что «Гештапо повсюду разыскивает мое германское пребывание и добивается моего адреса» [5, с. 243]. Швейцария не особенно благосклонно отнеслась к переезду Ильина. Более того, 28 ноября ему предложили добыть обратную визу (в Германию). 29 ноября Ильин «был сам у кантонального директора, представил свои объяснения и категорически отказался от позора “просить обратную визу. Он понял”» [5, с. 249]. Спустя годы, когда многие документы потеряли гриф секретности, выяснилось, что власти Швейцарии считали Ильина агентом Йозефа Геббельса. Таким образом, Ильину удалось вовремя покинуть Германию и спастись во второй раз от тоталитарного режима. Он питал отвращение как к левому, так и к правому тоталитаризму, но левый ненавидел сильнее. Из публикаций периода начала войны Германии с СССР видно, что Ильин где-то надеялся, что войска Германии смогут сокрушить большевистский режим, но чем дальше развивались события на Восточном фронте, хронологией которых он занимался, тем яснее Ильин осознал, что быстрая переброска заводов в тыл и дух народного единства сыграют свою роль в исходе схватки двух систем. Но к этому мы обратимся чуть позже, а пока отмечу, что в Швейцарии он также не мог преподавать и вести общественно-политическую деятельность. Он пишет книги, ведет обширную переписку, а статьи подписывает псевдонимами Петер Юст, Р.К. или «От нашего специалиста по России Р.К.».

События на Восточном фронте и оценка их И. Ильиным

В июле 1939 г. Ильин ещё не верил в то, что СССР будет принимать участие в войне, а поражение в Финской войне убедило его в том, что «несвободный и коллективизированный человек – не воин... Нам, швейцарцам, с древних времен бывшим стойкими солдатами и воинственным народом, этот жесткий пример полной противоположности должен придать новые силы» [4, с. 26–27]. Ильин подчеркивает ценности швейцарской демократии. Спустя два года, 15 марта 1941 г. он пишет статью «Демократия и целесообразность», которая призывает преодолеть все, что несет раскол в стране и «холить и лелеять то, что делает нашу демократию живым организмом» [4, с. 57].

Страх перед возможностью прихода большевизма на Запад после экспериментов в России не покидает Ильина. В статье «Судьба большевизма». Написанной 5 сентября 1941 г., он дает оценку тех изменений в СССР, которые произошли за 24 года после революции. Главное, что были

выращены «кадры заклятых коммунистов-партийцев», железные комиссары, которые являются столпами большевистского правительства и сражаются за свой статус руководителей. Ильин полагал, что «эти кадры будут использованы в тотальной войне, сильно сократятся, будут *медленно, но верно уничтожаться; следовательно, революционная система будет постепенно терять своё руководящее положение, свою стойкость и свою сплоченность*» [4, с. 81–82]. Ослабление системы изнутри должно привести к смене большевистского правительства. Попытка переворота извне не увенчается успехом. Внутривосточные силы «в течение войны должны сначала медленно, а затем быстро созреть, чтобы потом неожиданно выступить» [4, с. 82]. Ильин уповает и на разрыв поколений, когда молодежь проявляет недовольство и восстанавливается против старших. Он очень надеялся в сентябре 1941 г., что война ослабит и сокрушит большевизм, что советская бюрократия не справится с проблемами военного времени, а правительство утратит авторитет. Но он ошибся. Дело в том, что народ воспринял войну как национальную и вёл её с полной отдачей, защищая свою Родину. Восстать во время войны против системы – значит потерять страну и вообще всё. Народ это понимал. Ильин полагал, что поскольку большевизм мыслит интернационально, а народ мыслит войну национально, «однажды может возникнуть ярко выраженное *идейное противоречие* между армией и народом, с одной стороны, и режимом – с другой» [4, с. 83]. Опять ошибка и непонимание. Оказывается, что бездушная большевистская доктрина и практика руководства способна консолидировать людей и дать отпор агрессии. Дальнейшие размышления приводят философа к сомнению в том, что война сможет уничтожить большевизм, «но война как военное, политическое и хозяйственное испытание рано или поздно сбросит голову Медузы с большевизма...» [4, с. 84].

Многие статьи Ильин подписывает как «наш специалист по России», и он действительно был хорошим специалистом, ведь кому как не ему известна важность положения Ленинграда, этих ворот в страну, города-порта, открывающего кратчайший путь к зарубежной торговле. Ильин в статье «Великая битва за Ленинград» от 19 сентября 1941 г. подчеркивает стратегическое значение города и заявляет: «Итак, в конце третьего месяца необходимо во что бы то ни стало захватить эти ворота» [4, с. 85]. Ильин предупреждает, что за взятие Ленинграда придется дорого заплатить. Возникает вопрос: на чьей вы стороне, профессор Ильин? Ответ очевиден: только на своей. Описывая слабые и сильные стороны для завоевания города, он, по сути, дает шпаргалку для действий по его взятию. Он сочувствует народу СССР, но страстно желает поражения большевистской системе. Даже такой ценой. Профессор не понимает, что возможность сбросить большевистское рабство может обернуться драмой обретения иного рабства при фашистском режиме, от которого он удачно скрылся в Швейцарии. Но прозрение наступает не сразу. Он продолжает вести хронику событий на фронте и в 1942 г. отметил, что война явно затянулась, объяснение чему он находит в

том, что «большевистскому правительству удалось скрыть степень своей подготовки к войне. В Западной Европе об этом слишком мало знали» [4, с. 95]. Он был чрезвычайно удивлен той быстроте, с которой правительство СССР сумело перебросить заводы вглубь страны, обучить новые кадры, поднять народ. Ильин увидел единство руководства страны и народа. Мощная подготовка и соблюдение порядка позволили держать удар «против германского вермахта, чья образцовая организованность и неустрашимость не подлежат сомнению» [4, с. 99].

Философ, обращаясь к истории, рассуждает о русском народе, его способности собираться в кулак, трудиться и проявлять чудеса героизма. Эти качества никуда не делись, к тому же за 25 лет при новом режиме по моральному кодексу коммуниста воспитано новое молодое поколение, вполне законопослушное и нравственное и по большей части преданное своей стране. В феврале 1943 г. он приходит к выводу, что новая интеллигенция СССР и большая часть русского народа настроены «против коммунистов, но за Отечество, чем на деле объясняется обильный приток оружия и боеприпасов...» [4, с. 163].

Начиная со статьи «Стратегия» от 10 февраля 1943 г. меняется тон статей: впервые Германия названа агрессором и появляется слово русские как собирательное. Ильин уже понимает, что Германия вряд ли выиграет войну. Во-первых, «*русское (курсив мой. – И.Ф.)* Верховное командование в течение полутора лет в большей степени консолидировалось» [4, с. 164], а во-вторых, Ильин прямо указывает на тех людей, которые реально ведут войну: Матвей Кузьмич Шапошников и Георгий Константинович Жуков. Жуков был из старой гвардии, с 1915 г. служил в кавалерии во время Первой мировой войны, а с января 1941 г. он был назначен начальником Генерального штаба Красной Армии. Шапошников – танкист, с июля по октябрь 1942 г. был начальником штаба 19-го танкового корпуса, а во время Курской битвы командовал 178-й танковой бригадой. Обоих режим не жаловал, поскольку полководцы служили еще в старой русской армии. Жуков и Шапошников сделали ставку на военно-воздушные силы и огневую артиллерию, танки.

Сомнения в победе Германии сопровождаются серьезными опасениями за ее дальнейшую судьбу, потому что призрак коммунизма не покинет Европу до тех пор, пока в Германии проживают 15 миллионов инородцев – тех людей, которых пригнали из оккупированных мест. Они-то и являются источником беспокойства: «на предприятиях, где работают восточные рабочие, постоянно растет саботаж. Циркулируют неизвестного происхождения листовки, отмеченные безошибочным коммунистическим духом» [4, с. 218]. Среди них идет вербовка, но Ильин не уверен, что они будут воевать против своих. Ужас перед угрозой большевизма не покидает философа. Он говорит о том, что методы работы коммунистов изменились, но в статье «Чужие русские в Германии», написанной 28 октября 1944 г., автор заяв-

ляет, что «...целью Советского Союза, как и прежде, остается революционизация Европы» [4, с. 227–228]. В феврале 1945 г. из-под пера философа выходит статья «Новые аспекты восточной стратегии», где идет разговор «об особенностях тоталитарного ведения войны», о небывалой её жестокости, и сам автор приходит к выводу, что речь идет о глобальной войне между германством и славянством.

В апреле 1945 г. в статье «Новый миф о Гитлере» Ильин представляет своё новое видение фигуры фюрера. Напомню, что в начале 1930-х гг. Ильин видел в национал-социализме естественную реакцию на коммунистические идеи, показывая Гитлера иногда слишком неопытным по сравнению с хитрым и коварным Сталиным, а в первый год войны с СССР мыслитель уже возлагал на фюрера надежды по сокрушению большевистского режима. В конце войны, когда поражение Германии стало очевидной перспективой, Ильин критикует Гитлера за излишнюю истеричность, политический авантюризм, самоуверенность и за то, что тот «не богат мыслью». Видимо, знакомство с сочинениями Фрейда и Адлера привело профессора к обобщению, в котором досталось не только фюреру, но и всем немцам: «В бессознательном немца есть такой комплекс, о котором мы, швейцарцы, благодаря нашей истории и политике, мало знаем... В своем сознательном мышлении немец имеет совершенно чуждый нам строй - он мыслит авторитарно» [4, с. 305].

Итоги Второй мировой войны не обрадовали И. Ильина. 23 мая 1945 г. в статье «Судьба партийной армии» он обрушился с критикой выстроенной в Германии партийной армии, имеющей иной ранг по сравнению с народной; уровни повиновения у этих армий тоже различны. Когда члены партии, будучи плохо подготовленными, получают командные посты, ни о какой победе в войне и речи быть не может. Он прямо заявляет: «Армия принадлежит всему народу. Партия не должна иметь оружия» [4, с. 317]. Ильин был прекрасно осведомлен о концлагерях, об огромных человеческих потерях, о масштабах разрушений, но в его текстах вплоть до 1949 г. практически не найти обличений фашистского режима, а перспектива Нюрнбергского процесса интересовала его с точки зрения ресурсов международного права. СССР для него – «небывалое в мире» государство; большевики – людоеды, как и для Ллойд-Джорджа. Профессор сожалеет о том, что Вторая мировая война так ничему и не научила Запад, который пошел на уступки своему идейному врагу: «Черчилль и Рузвельт “договаривались” со своим лютым врагом в Тегеране, в Ялте, в Потсдаме и отдали ему в политической наивности и “союзнической лояльности” – все малые государства Восточной Европы и Манчжурию с Китаем в Азии» [2, с. 137].

Очень важно, что по окончании Второй мировой войны Ильин пытается осмыслить сам феномен фашизма и использует понятие тоталитарный режим, указывая в статье «О тоталитарном режиме» от 2 февраля 1949 г., что данного понятия не было еще 30 лет назад. Он дает ему четкое определение: «Это есть политический строй, беспредельно расширивший

свое вмешательство в жизнь граждан, включивший всю их деятельность в объем своего управления и принудительного регулирования» [2, с. 50]. Признаки такого управления отражены в следующих принципах: свобода граждан опасна; самодеятельность граждан вредна; есть только государственный интерес; единый властный центр все знает, выпускает инструкции и указы; налицо диктатура одной партии и монополия работодателя; беспощадный террор в виде угроз безработицы, голода, гибели семьи и детей, аресты, концлагерь, ссылки. Мыслитель с прозорливостью указывает, что «такая организация управления позволяет придать собственно государственной форме любой вид: советский, федеративный, избирательный, республиканский или иной. Важна не государственная форма, а организация управления, обеспечивающая всеохват» [2, с. 51]. Таким образом от тоталитарного режима не застрахована ни одна система. История России и Германии показала, как механизмы демократии были использованы для насаждения тоталитаризма.

Фашизм – правый вариант тоталитаризма и Ильин в статье «О фашизме» рассуждает о сложности фашизма как явления, где переплетено «здоровое и больное», «государственно-охранительное и разрушительное». Фашизм, по его мнению, есть реакция на «левый хаос». Когда «наступает левый хаос, левый тоталитаризм – это было явлением здоровым, необходимым и неизбежным» [2, с. 67]. Он предупреждает, что демократические государства может ожидать именно такая политическая перспектива: «...в час национальной опасности здоровые силы народа будут всегда концентрироваться в направлении охранительно-диктаториальном. Так было в древнем Риме, так бывало и в новой Европе, так будет и впредь» [2, с. 67]. Фашизм был здоровой реакцией на «социалистический психоз», но фашизм совершил непоправимые ошибки, которые привели режим к гибели: враждебное отношение к религии; установление партийной монополии; откровенный расизм; деморализация и коррупция; идолопоклоннический цезаризм. Тоталитаризм с социалистическом варианте ничем не лучше.

О перспективах России

Ильин вполне разделяет мнение Данилевского, говоря о том, что Запад не знает России, а потому боится её и потому желает её ослабления. Обе культуры различны: западный человек живет волей и рассудком, а русский сердцем и воображением в первую очередь и лишь потом волей и умом. В силу такого различия культур и боязни Запада России грозит опасность. Ильин говорит: «Нам нужны трезвость и зоркость» [2, с. 135]. Вопрос: а кому – «нам»? Ильин не ассоциирует себя с советскими людьми; его эмигрантское окружение, ещё в 1939 г., судя по письмам И. Шмелеву, предало его. Приписка «Ваш, забытый Богом и преданный людьми, но верный в любви и отвержении» от 11 февраля 1939 г. говорит о многом. Его «мы» относится к патриотам грядущей, новой России. Россия и советский режим не соединяются в его сознании, потому что «коммунисты завладели Россией». По мне-

нию Ильина, послевоенная коммунистическая печать пытается ввести в заблуждение зорких западных политиков, стремясь смешать понятие Советское государство с понятием Россия, то есть «делается всё для того, чтобы выдать политику коммунистов за дело русского народа» [2, с. 137].

Перспектива демократии не подходит для России, потому что народ к ней, с его точки зрения, просто не подготовлен: «Русский народ существует, но существование его подобно мученическому унижению его собственных беспризорных детей» [2, с. 138]. Демократии нужно учиться, а коммунистическая революция подорвала опыт народного управления. Русский народ не однороден: там есть сторонники коммунистов и некоммунистическая масса. Выборы при однопартийной системе превращены в фарс. Качество самих людей в плане морали Ильин ставит под сомнение, будучи уверенным в том, что подлое доноительство, лесть и пресмыкательство стали повседневной практикой. Когда Ильин рассуждает о качествах русского народа, он говорит о его жертвенности, следовании чувству долга и силе служения, о том, что все эти качества коммунисты «истощают без всякого национального смысла» [2, с. 139]. Ильин в статье 1948 г. «Против России» рисует образ советского человека, оторванного от верного знания, слепого в политике, не способного мыслить самостоятельно. Как может развиваться Россия при таком качестве населения после большевиков? Впереди как минимум две возможные перспективы: либо внезапно проявится и будет доминировать государственная дисциплинированность народа, либо впереди маячит «национально-государственно-воспитывающая диктатура».

К слабым свойствам русского народа Ильин относит следующие: «недостаток характера, силы воли, дисциплины, взаимного уважения и доверия» (2, с. 139). Если это так, то откуда вдруг возьмется та самая государственная дисциплинированность после стольких лет рабства и растреления? Об этом он не рассуждает. В чем он точно убежден, так это в том, что политикой не должны заниматься дилетанты. Есть люди, которым очень хочется публичности, участвовать в политике, что быть значительными людьми, но они не принесут пользы России: «Конечно, лучше придумать для своей партии и для своей газеты удачное название, чтобы “влекло” и “обещало”... А газету можно, например, назвать “Русская идея”...или “Единая Россия”, особенно если в программу газеты входит незаметная подготовка умов к расчленению и распадению России» [2, с. 140].

Ильин – сторонник демократии, но демократический строй не может быть введен везде: «Все народы различны. Различны их территории, их климаты, их душевные уклады, их религии, их мораль, их культура. Политическая “уравниловка” есть такая же нелепость, как и хозяйственная» [2, с. 142]. Ильин стоит за собственный путь России, за третий возможный путь: **«это – твердая, национально-патриотическая и по идее либеральная диктатура...Только такая диктатура и может спасти Россию от анархии и затяжных войн»** [2, с. 147]. Только она способна воскресить в народе лучшие его качества и подготовить его к самоуправлению, а акцент

надо делать на воспитании честности. Будущий диктатор России должен способствовать нравственному и патриотическому воспитанию народа, возвращать чувство верности отечеству. Надо делать ставку на духовное возрождение, потому что воссоздавать «единую Россию» (а это термин Ильина) должны лучшие из народа. Такие качества как ум, честь, верность, творческие способности, воля обязательно должны присутствовать в тех, кому открывается «дорога вверх с самого низа». Ильин мечтал о диктатуре, которая принимает принцип меритократии. Национальный диктатор остановит хаос, защитит страну, начнет качественный отбор людей для управления страной, будет развивать правосознание и способствовать расцвету национальной культуры. Но такой диктатор не появится «из нашей эмиграции» в силу её собственной зависимости от Запада. Ильин даёт понять, что качество людей в эмиграции изменилось (некоторые даже предлагают добровольно уступить бедной, перенаселенной Германии Украину), и те из них, кто захочет делать политику в России обязательно попадут «в фальшивое положение человека, обязавшегося отстаивать в будущей России иноземную и иноверную пользу» [2, с. 152]. Философ утверждает, что среди эмигрантов много «гнилых сударей»: есть те, кто претендует, на «малый трон» или «полутрон», а есть просто ликвидаторы и расхитители России, однако у них есть одно общее качество – все они страдают пустословием. Окружение Ильина не блистало нравственностью. К прошлому не было возврата, будущее весьма неопределенно, а настоящее не вселяло надежду на перемены, которых ждал Ильин.

Когда читаешь его письма к И. Шмелеву, понимаешь, сколь трудной и материально стесненной была жизнь Ильина. Не надо забывать, что брат Ильина, Игорь Александрович, в 1937 г. был арестован УНКВД за контрреволюционную агитацию и расстрелян, чего Ильин также не мог простить режиму. В 1957 г. его реабилитировали, но сам философ умер в 1954 г. Он так ждал крушения большевистского строя, так надеялся, что крестьянство и народ СССР поднимутся и сбросят иго коммунизма, что иногда употреблял в отношении разочаровавшего его народа очень неуважительные выражения. Вспоминая на склоне лет о Ленине и его соратниках, в статье «Очертания будущей России» он говорил следующее: «Никто из них не знал, какими хозяйственно-трудовыми побуждениями руководствуется здоровый человек, и какие надо навязывать *невиданному доселе уроду* (курсив мой. – И.Ф.), именуемому социалистическим человеком» [2, с. 155]. Весьма странное, мягко говоря, отношение к народу, который такой кровью отстоял Отечество, одолел фашизм, поднимал страну из руин. Но в этих словах вся горечь разочарования и бессилие что-либо изменить. Впечатление такое, что профессор Ильин навсегда остался в той России, которой больше нет. Он с упоением описывает, как все прекрасно было при царе и Столыпине, восхищался образцовой бюрократией. И вдруг, благодаря образованным людям России, все рухнуло, народ ограбили, лишили собственности. Ильин не сомневался в том, что уже после окончания войны с фашизмом люди вернуться

из ссылок, рабочие и крестьяне объединятся с частью бюрократии, и затребуют свою собственность. Ильин надеялся, что крах режима состоится очень скоро, даже предрекал кошмар дележа. Он опасался, что переход к новой России может происходить весьма драматическим образом, потому что «национальные обиды и племенные претензии будут разжигаться снаружи- иноземными врагами, и «своими» предателями, давно уже мечтающими ликвидировать Россию» [2, с. 158]. И вот здесь нужна будет сильная государственная власть, «диктатура по объему полномочий и государственно-национально настроенная по существу» [2, с. 158]. Ильин видел опасности распада государства, хищническую роль западных государств, способствующих разжиганию конфликтов и заинтересованных в ослаблении страны. Народу не на кого надеяться кроме как на себя и на Бога. Философ предсказал воскрешение веры в России, которая поможет народу обрести прочные нравственные основания.

Ильин говорит о важности воспитания в грядущей России, потому что образование без воспитания не может сформировать человека, портит его. Воспитание имеет для философа приоритет над образованностью: «...формальная “образованность” вне веры, чести и совести создает не национальную культуру, а разврат пошлой цивилизации» [2, с. 219]. Его понимание собственного народа «двоится»: нравственное состояние граждан СССР профессора не устраивает, а грядущие поколения новой России где-то в области надежд. Между советским настоящим и небольшевистским будущим – неопределенное время. Скачок в будущую Россию будет болезненным и потребует очень трудной работы, связанной с воспитанием уважения к закону, собственности, с преодолением склонности к стяжательству, наущничеству. Философ верил в будущее России, в то, что она сможет преодолеть всё на этом тернистом пути.

Профессор И. Ильин, как умел, служил России, а не начальникам, не партии. Он понимал, как и многие из эмигрантов, что ему не суждено вернуться в свою страну, но он верил, что его голос, звучащий через его труды, будет обязательно услышан, что и произошло спустя много лет – в 1993 г. была опубликована его работа «Наши задачи». Творческое наследие И. Ильина хронологично и позволяет понять личное восприятие и оценку поворотов истории, которые пережил сам философ. Важно то, что он не растерял своих самых лучших чувств и свойств характера: по мере возможности помогал талантливым людям публиковаться, поддерживал их и словом, и делом. Он свято верил в возрождение России и возможно, будущее оправдает все надежды и пророчества профессора И. Ильина.

Список литературы

1. Ильин И. Национальная Россия: наши задачи. М.: Алгоритм, 2007. 464с.
2. Ильин И. О грядущей России. М.: Воениздат, 1993. 368 с.
3. Ильин И. Собрание сочинений. М.: РНИИ культурного и природного наследия им. Д.С. Лихачёва, 2019. 916 с.

4. Ильин И. Собрание сочинений. Гитлер и Сталин. Публицистика 1939-1945 годов. М.: Русская книга, 2004. 624 с.
5. Ильин И.А. Собрание сочинений: Переписка двух Иванов (1935-1946) / сост. и коммент. Ю.Т. Лисицы; расшифр. и текстол. подгот. писем И.С. Шмелева О.В. Лисицы. М.: Русская книга, 2000. 576 с.

THE PROBLEM OF RUSSIA'S FUTURE IN I. ILYIN' WORKS

I.A. Frolova

Tver State University, Tver

Ivan Ilyin is very famous Russian thinker of XX-th century, who lived most of his life in exile in Germany and in Switzerland. Ilyin loved Russia and did not accept the revolution in 1917. The focus of the article is on the Ilyin's works, written in period of 1939-1949. The main it's events are reflected in philosopher's publications of that time and are permeated with his personal perception of historical events and expectations. How did Ilyin feel about the Bolshevik regime and communist ideology? Why did he hate and criticize both left and right totalitarianism. How did Russian philosopher imagine the political future of Russia after liberation from Bolshevism? – this is what this article will be about.

Keywords: *I.A. Ilyin, future of Russia, criticism of fascism, criticism of Bolshevism, totalitarianism.*

Об авторе:

ФРОЛОВА Ирина Алексеевна – кандидат философских наук, доцент кафедры философии и теории культуры ФГБОУ ВО «Тверской государственный университет», Тверь. E-mail: Ireenfrolova@yandex.ru

Author information:

FROLOVA Irina Alekseevna – PhD, Assoc.Professor of the Dept. of Philosophy and Theory of Culture, Tver State University, Tver. E-mail: Ireenfrolova@yandex.ru

Дата поступления рукописи в редакцию: 10.02.2026.

Дата принятия рукописи в печать: 25.03.2026.